

Фара Дабхойвала

СВОБОДА СЛОВА

ИСТОРИЯ ОПАСНОЙ ИДЕИ

Фара Дабхойвала Свобода слова: История опасной идеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73783093

Свобода слова: История опасной идеи.

ISBN 9785006320215

Аннотация

Свобода слова – это хорошо или плохо? Какие слова и темы допустимы, а какие нет? Что происходит, когда политическая ситуация меняется и вместе с ней меняются правила?

Историк Фара Дабхойвала исследует удивительные пути развития свободы слова в разных странах мира: Америке, Европе, Индии, России. Хотя эта идея и стала базовым демократическим принципом, ее истоки и эволюция имеют отношение не столько к благородному стремлению к истине, сколько к личным интересам богатых, алчных и могущественных людей. С самого появления термина три столетия назад свобода слова была оружием и лозунгом, который использовали сильные против слабых, а слабые против сильных. Книга не навязывает читателю конкретных взглядов, вместо этого она учит размышлять о свободе слова. Автор объясняет истоки положения дел в современном обществе и показывает, как история свободы слова

поднимает перед нами новые вопросы и открывает возможности для будущего.

Содержание

Введение	10
Глава 1	25
СЛОВА КАК ОРУЖИЕ	32
ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фара Дабхойвала

Свобода слова:

История опасной идеи

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Вячеслав Ионов*

Редактор: *Виктория Войцек*

Главный редактор: *Сергей Турко*

Руководители проекта: *Лидия Мондонен, Кристина Ят-ковская*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Дизайн обложки: *Алина Шевкопляс*

Корректоры: *Татьяна Редькина, Елена Биткова*

Компьютерная верстка: *Максим Поташкин*

© Fara Dabhoiwala, 2025

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина Пабlisher», 2026

* * *

Фара Дабхойвала

СВОБОДА

СЛОВА

ИСТОРИЯ ОПАСНОЙ ИДЕИ

Перевод с английского

В книге упоминаются социальные сети Instagram и/или Facebook – продукты компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена как экстремистская.

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Посвящается Гарриет и Кейт,

*моим любимым собеседницам.
И конечно, Джо,
еще раз и всегда*

Введение

Всегда ли существовала свобода слова, и если нет, то когда и как она появилась?

Я никогда не задумывался об этом, пока несколько лет назад мою книгу не перевели на китайский язык, а меня не пригласили рассказать о ней в материковом Китае. В книге речь шла об эволюции сексуального поведения, и не было ничего удивительного в том, что читатели в разных странах реагировали по-разному. Но в тот раз я столкнулся не только с этим. Хотя контракт запрещал вносить изменения, перевод подвергся цензуре – когда пришли гранки, я заметил, что некоторые фрагменты отсутствуют. Как выяснилось, редактор удалил их, посчитав неуместными. Когда я запротестовал, в дело вмешался главный редактор. В итоге мне сообщили по электронной почте, что издатели передали мои жалобы «должностным лицам в Бюро печати и публикаций» в Нанкине – именно за ними остается последнее слово. Эти официальные цензоры согласились восстановить некоторые купюры, но настояли на удалении остальных.

В Китае цензуру трудно не заметить. Газеты, телерадиокомпании и издательства принадлежат государству и должны следовать его идеологическим установкам – миллионы невидимых контролеров круглосуточно следят за происходящим в интернете. Путешествуя по стране, я осознал, что

являюсь свидетелем своего рода исторического феномена. В эпоху интернета, этой самой передовой технологии свободного выражения, Коммунистическая партия Китая, задействовав ранее созданные инструменты контроля общественного мнения и кое-что новое, одерживала верх.

Происходило невероятное. Десятилетиями западные политики твердили, что экономическая свобода неизбежно приведет к политической либерализации китайского общества. В начале XXI в. они также считали: распространение Всемирной паутины ускорит этот процесс. Свобода слова должна была распространяться глобально параллельно развитию свободной торговли. Китайцы, возможно, и попытаются укротить интернет, как иронично заметил американский президент Билл Клинтон в 2000 г., но это вряд ли им удастся. «Я пожелаю им удачи! Это все равно что решетом воду черпать».

И все же то, что я обнаружил, не стало для меня неожиданностью. Моя поездка состоялась в 2015 г., когда Хиллари Клинтон считалась наиболее вероятным претендентом на место следующего президента Соединенных Штатов. Десятилетием ранее китайские издатели тайно подвергли цензуре ее мемуары и переписали или удалили многие фрагменты, затрагивающие политически острые темы. Клинтон, узнав об этом, заявила, что их действия «возмутительны, но бесполезны» – в эпоху киберпространства китайские граждане все равно узнают правду.

Я обратил внимание на эту историю, поскольку то самое китайское издательство, которое так поступило с ее книгой, теперь публиковало мою. А потом, в последний вечер моего пребывания в Китае, я оказался на ужине с одним из его старших редакторов. Во время разговора выяснилось, что он и был тем переводчиком книги Клинтон, который подверг цензуре ее текст. Я страшно обрадовался этой удаче и попытался расспросить его. Мне хотелось узнать, чем руководствуется цензор. Где проходит грань между допустимым и недопустимым – какие слова и темы под запретом, а какие нет? Что происходит, когда политическая ситуация меняется и вместе с ней меняются правила? Как осуществляется связь с должностными лицами Бюро печати и публикаций? *Как выяснилось, в основном по телефону.* Когда мои вопросы посыпались один за другим, редактор снисходительно улыбнулся. «У нас никто не называет это "цензурой", – заметил он. – При работе с текстом мы смотрим на процесс как на "подгонку одежды". Немного укоротить здесь, немного обрезать там, немного подправить, и смотрите – теперь все сидит гораздо лучше».

Удивительно, но именно так воспринимали свою работу цензоры в Европе XVIII в. Они видели в ней своего рода полезное сотрудничество с авторами, призванное улучшить, а не обеднить текст. Само слово «цензор» – как в Древнем Риме, где оно появилось, так и в постсредневековой Европе – просто обозначало радеющего за общественное благо чинов-

ника, в обязанности которого входил надзор за общественной моралью. Более того, на протяжении столетий, до того как свобода печати и свобода слова стали ведущими идеологическими принципами, повсеместно считалось само собой разумеющимся, что публичные высказывания, письменное изложение взглядов и печать должны регулироваться государством. В старые времена простые люди постоянно судились друг с другом из-за произнесенных или написанных бранных слов, а власти следили за подобными вещами ради общего блага. Никто не считал свободу выражения мнений фундаментальным личным правом. По какой причине – и когда именно – все изменилось? Какова история свободы слова?

К моему разочарованию, попытки найти книги на эту тему ни к чему не привели. Хотя о цензуре в разные времена и в разных местах написаны бесчисленные тома, история свободы слова как современной концепции почти не привлекала внимание и интересовала разве что американских исследователей, заикнувшихся на Первой поправке. При этом современное употребление термина казалось неясным и смахивало на лозунг, которым прикрываются, чтобы добиться известности или обличить оппонентов.

Размышления на эту тему не оставили меня, когда через несколько месяцев, летом 2016 г., я переехал в Америку, чтобы занять новую должность. Там быстро выяснилось, что граждане моей новой родины все же не избрали Хилла-

ри Клинтон следующим президентом. Вместо этого их выбор пал на опасного неуравновешенного демагога – человека, который, похоже, добился самой высокой в мире должности главным образом за счет распространения возмутительной лжи в социальных сетях десяткам миллионов людей. Его восхождение только усугубило проблему. Казалось, никто не может остановить это – все упиралось в священное право на свободу слова. Безусловно, мир полон опасных, лживых демагогов. Но то, как американцы говорили о свободе слова, а точнее, одержимо превозносили ее, разительно отличалось от понимания этого феномена в Британии, Европе, Индии, Китае, Индонезии или где-либо еще. Почему так произошло? Когда возникли эти культурные различия? И как, задумался я, изучение истории свободы слова может помочь осмыслить ее границы в современном мире?

* * *

Теперь, став американским гражданином, я понял, как мои новые соотечественники относятся к свободе слова. Однако я все же англичанин с индийскими корнями, который вырос в Европе во времена холодной войны, и поэтому вижу, насколько по-разному в разных культурах мира относятся к свободе слова, насколько уникален нынешний американский подход и в какой степени это вопрос не рационального восприятия, а, по сути, веры. Значение Первой поправ-

ки – это не только сложная правовая доктрина, но и своего рода светская религия со своими меняющимися догмами и жизнеописаниями.

Ничто из этого нельзя объяснить, если рассматривать историю свободы слова только как национальный вопрос. С учетом того, сколько написано об эволюции американской идеи свободы слова, я, например, не предполагал обнаружить что-то новое. Но, к моему удивлению, мне это удалось почти сразу – отчасти благодаря сравнительному подходу к фактам. Чтобы увидеть различия, нужно сопоставить культуры друг с другом и понять, совпадают или расходятся их исторические траектории. Есть и другая причина необходимости транснационального подхода. Свобода слова и свобода печати всегда были международными концепциями, которые постоянно мигрировали и переосмыслились. Когда люди апеллировали к ним в прошлом, они неизменно сравнивали свою ситуацию с тем, что происходило в других местах и в другие времена. Мы поступаем так до сих пор. Свобода слова имеет разный смысл в разных культурах, но это также архетипическая глобальная концепция, и ее история тоже должна быть глобальной.

Это не значит, что нужна история свободы выражения мнений во все времена и повсюду – такая книга оказалась бы нечитабельной, да и написать ее было бы невозможно, поскольку не существует единой истории свободы слова. Несмотря на распространенное желание предста-

вить ее как повествование об интеллектуальном прогрессе, а также на усилия теоретиков, свобода слова казалась скорее мантрой, взятой на вооружение, а не гармоничной концепцией. Именно поэтому мы не сможем прийти к согласию относительно ее точного определения. Свобода слова не является естественным состоянием, а цензура – противоестественным, как часто подразумевается при рассмотрении этих тем. Неверно также распространенное предположение, что свобода слова – это в основном вопрос о темах, которые можно обсуждать. Ее контуры определяются не только содержанием. Наконец, свобода выражения мнений – это не то, что возникает естественным образом при ослаблении ограничений. Напротив, это глубоко искусственная концепция. И ее теория, и ее практика всегда имеют особую форму. Чтобы отследить эту изменяющуюся форму, как сделано в книге, требуется нечто большее, нежели простое перечисление меняющихся табу на определенные слова и идеи. Речь также идет о выявлении неравенства в распределении властных полномочий: кто может говорить, а кто вынужден молчать; чьи голоса звучат громче и почему. И о том, как на эти дисбалансы влияли изменения в медиаландшафте в последние 500 с лишним лет – от обществ, в которых преобладала устная коммуникация, до изобретения и распространения книгопечатания и глобальных медиареволюций нашего времени. Именно эти более глубокие вопросы истории свободы слова рассматриваются в данной книге.

Чтобы ответить на них, я выделил наиболее значимые, на мой взгляд, темы и эпизоды в процессе формирования и распространения этого не очень четкого, но неизменно привлекательного набора идеалов. Законы и их применение служат ключевыми показателями того, как культуры определяют и практикуют свободу выражения мнений, а также распределение власти в обществе. Судебные прецеденты, таким образом, играют важную роль в повествовании. Однако эта книга посвящена не истории права, а политике свободы слова в более широком смысле и ее эволюции – особенно в качестве идеала. Как будет показано, теория свободы слова всегда отставала от практики – алчность, технологические изменения и соображения политической целесообразности систематически опережают законодателей и философов.

Свобода слова опасна по двум причинам. Одна из них – способность расшатывать ортодоксальные устои, давать голос бунтарям и иконоборцам, побуждать людей к действиям. Именно поэтому мы склонны превозносить ее. Другая же причина более тревожна. На протяжении всей истории этот идеал постоянно использовался властью имущими, злонамеренными и корыстными людьми ради личной выгоды, чтобы заставить других замолчать, посеять раздор и исказить истину.

Свобода выражения мнений может принимать множество форм – от одежды и поведения до кино, музыки, карикатур и искусства всех видов. Но ее современная история особен-

но тесно связана с печатным словом. В XVIII и XIX вв., когда свобода слова превратилась в глобальную влиятельную идеологию, печатный станок был самой эффективной технологией коммуникации. По этой причине законы и дискуссии о свободе выражения мнений фокусировались на свободе печати. В заключительной главе этой книги мы поговорим о том, как доминирующее положение печатного станка повлияло на отношение к самим высказываниям и появившимся позже средствам массовой информации, таким как радио, телевидение и интернет. До нее речь в основном пойдет об устном, письменном и печатном слове.

В книге особое внимание уделяется англоязычному миру, который рассматривается через призму сравнительного анализа. Это объясняется не только тем, что именно там зародились и получили развитие первые влиятельные модели свободы слова и печати, но и нынешним доминированием американских медиакомпаний на глобальном рынке онлайн-коммуникаций. Независимо от отношения к этому факту, крайне важно понимать, когда и почему англоязычный мир выработал свой взгляд на свободу слова, и сопоставить его с историческими траекториями других культур.

Глубина проработки разных моментов в книге варьирует в широких пределах – от детального анализа, когда речь идет о ключевых личностях и идеях, до панорамного обзора масштабных тем и вопросов. В первых трех главах прослеживается путь от эпохи, предшествовавшей появлению свободы

слова, до формирования современной концепции этой идеи в начале XVIII в. Следующие четыре главы посвящены исследованию того, как этот идеал воплощался в жизнь в разных частях света разными группами людей: в рабовладельческих обществах Карибского бассейна и Северной Америки, проповедовавших превосходство белой расы; в бедных, периферийных с точки зрения научной и философской мысли королевствах Скандинавии, которые тем не менее первыми в мире приняли законы о свободе слова; во Франции и США, чья взаимосвязанная история свободы слова имела далекоидущие последствия. В заключительной главе раскрываются изменения во взглядах и законодательстве США в XX в. с акцентом на устойчивое, но недооцененное влияние международной социалистической и коммунистической критики на американское мировоззрение.

Главная причина такого подхода к исследованию – показать, что свобода слова никогда не была устойчивой концепцией ни в теории, ни на практике и видоизменялась под влиянием локальных приоритетов. Свобода слова не имела единого понимания, и поэтому невозможно анализировать эволюцию этого понятия, опираясь на фиксированные сравнительные категории. В то же время свободу печати и слова нельзя назвать абсолютно размытым набором идей: со временем сложились влиятельные интеллектуальные традиции, которые сохраняются до сих пор. В некоторых главах подробно рассматривается, как процесс переосмысления и

принятия этих идей происходил в ключевые переломные моменты. Например, одна из причин уникальности англоязычных практик кроется в колоссальном влиянии двух основополагающих английских текстов: сборника эссе XVIII в. под названием «Письма Катона», в котором, по сути, сформулирован современный идеал политической свободы слова, и трактата философа Джона Стюарта Милля «О свободе», развившего эту идею в XIX в. В обоих случаях современникам и последующим читателям аргументация казалась неоспоримо авторитетной, хотя на самом деле тексты были пронизаны личными предубеждениями и интеллектуальными изъянами.

Как мы увидим, до появления современных концепций свободы печати и слова люди на протяжении тысячелетий совершенно иначе воспринимали силу самовыражения, и многие из тех представлений влияют на наше мировоззрение до сих пор. Формулирование идеалов свободы преследовало в разное время разные цели. Древние концепции, например, ассоциировались с передачей гласа Божьего или смелым советом правителю. В эпоху Возрождения сложилась схоластическая версия, лежавшая в основе академического общения тогдашних интеллектуалов, а также протестантская, сосредоточенная на свободе совести. Однако самым значимым стало право высказываться по вопросам общественной значимости. Этот вид свободы слова последним получил полное теоретическое обоснование и принял разные формы в евро-

пейских культурах, хотя повсеместно признавался наиболее важным. Именно этот тип самовыражения – политическая свобода слова в широком смысле – остается центральным в современном глобальном понимании данной концепции и по праву занимает главное место в книге.

Несмотря на различия, все современные модели свободы слова изначально возникли на Западе. До 1700 г. неевропейские культуры располагали развитыми системами устной, письменной и печатной коммуникации, некоторые из них издавна проявляли терпимость и даже поощряли свободу религиозного самовыражения, существование королевских советов и других совещательных структур. Однако конкретные концепции и практики, рассматриваемые в этой книге, особенно понимание свободы слова и печати как политических прав, зародились в Европе и уже оттуда разошлись по миру. История о том, как они насаждались и интерпретировались в разных уголках планеты, неразрывно связана с имперской практикой и ее наследием в современном мире. Что означало для европейских поселенцев провозглашение свободы слова, когда они держали в рабстве людей с другим цветом кожи, отказывали им в праве голоса и называли это цивилизацией? Как современники воспринимали это? Что означала свобода слова для коренных народов, рабов и борцов с колониализмом? Каковы долгосрочные постколониальные последствия этой истории? Эти вопросы рассматриваются на протяжении всей книги, а особенно подробно в двух пред-

последних главах, где прослеживается история свободы слова в Индии от колониальных времен до нынешних дней. Поскольку основное внимание уделяется регионам, где идеи свободы слова и печати появились раньше всего и оказали наибольшее влияние, за рамками анализа остались события на Дальнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Надеюсь, историки этих регионов смогут при необходимости дополнить и скорректировать мои гипотезы.

При исследовании этих вопросов главным интеллектуальным ориентиром для меня стали блестящие работы философов, юристов, литературных критиков, феминисток и других мыслителей, которые в последние десятилетия занимались проблемами свободы слова и цензуры в современном мире. В их числе Кэтрин Маккиннон, Фредерик Шауэр, Джереми Уолдрон, Рональд Дворкин, Роберт Пост, Стэнли Фиш и Рей Лэнгтон. Несмотря на то что они нередко противоречат друг другу, а я далеко не во всем согласен с ними, их общие наблюдения легли в основу моего исторического исследования.

В соответствии с традиционным обывательским представлением о свободе слова, чем больше возможностей для выражения мнения, тем лучше и для личности, и для общества, поскольку слово безвредно, в отличие от действия, а дискуссия способствует поиску истины. По этой логике цензура ограничивает личную свободу, навязывается государством, направлена против нежелательных идей и в целом являет-

ся неестественной и нежелательной практикой. Однако большинство современных теоретиков, как и многие мыслители прошлого, придерживаются иной точки зрения. Они рассматривают высказывания как одну из форм действия и не проводят между ними строгой границы (как однажды объяснил Вольтер другу: «Я пишу для того, чтобы действовать»). Они также признают, что власть и доминирование проявляются во множестве форм, а не только в тех, которые навязывает нам государство. В их работах показано, как голоса сильных мира сего заглушают голоса бесправных и как это касается норм и законов о свободе выражения мнений. Создание и интерпретация правил свободы слова – это непрерывно меняющийся политизированный процесс: свобода никогда не распределяется равномерно. Цензура также не является прерогативой исключительно государства: формальные и неформальные правила выражения мнений вездесущи. Мы называем такие правила цензурой, когда не одобряем их, но в действительности они неизбежны. Причина не только в том, что они заложены в обычных социальных нормах, но и в более фундаментальном факторе. Сама коммуникация зависит от правил и ограничений, иначе она не будет понятной. Человек, даже когда разговаривает сам с собой, следует некоторым из них. Свобода требует ограничений.

Именно на такие интеллектуальные подходы я опирался в своем исследовании. Хочется верить, что проведенный анализ убедит как широкую публику, так и профессионалов –

юристов, философов и других исследователей современной концепции свободы слова – в том, что ее история помогает лучше понять и преодолеть нынешние противоречия. Ведь цель книги состоит не в навязывании читателю взглядов на свободу слова, а в том, чтобы показать, как размышлять о ней в глобальном и локальном плане. Задача заключается в объяснении истоков нынешнего положения дел, демонстрации того, как история усложняет современные представления, как она поднимает новые вопросы и открывает возможности для будущего.

Глава 1

Сила слова

На протяжении большей части истории свободу слова в современном понимании нельзя было назвать ни внятной концепцией, ни тем более идеалом. Случалось, что люди говорили свободно, не обращая внимания на общепринятые условности, – например, когда нужно было предупредить о надвигающейся опасности. Однако такой способ выражения оставался исключительным и подчинялся собственным, давно установленным риторическим правилам. В подавляющем большинстве обществ подчеркивались опасности, а не преимущества открытого высказывания.

Причина крылась в осознании могущества слова. Во всех культурах мира речь использовалась для обращения к сверхъестественным силам через заклинания, проклятия, клятвы, обеты, молитвы, благословения и заговоры. Бранные слова могли привести к политическому инакомыслию и общественным беспорядкам, разрушить семью и нанести урон репутации. Безусловно, даже в не слишком просвещенных обществах высказывания воспринимались как действие особого рода. Моральный кодекс древних зороастрийцев Персии признавал: благие слова и благие дела – это разные вещи. Европейцы XVI в. понимали, по выражению

Шекспира, что «слова – лишь ветер», и относились к ним как к зыбким и ненадежным сущностям. При этом все считали, что слово может обладать огромной силой и должно использоваться с осторожностью. Этому учила каждая древняя цивилизация. «Слово как птица, вылетит – не поймает», – предостерегала ассирийская пословица. «Все кроется в сказанном», – предупреждал древнейший индийский свод законов. «Укравший слово виновен в краже всего», «Будь искусен в речах», – наставляли египетского правителя за 2000 лет до рождения Христа, ибо «язык – меч для человека, а хорошая речь доблестнее любого сражения»¹.

Эти принципы унаследовали и продолжили развивать в последующие века иудеи и христиане в ближневосточной и европейской культурах. В основе средневекового христианства лежал обряд пресуществления, когда произнесение сакральных фраз превращало вино и хлеб в кровь и тело Христа. Библия также изобилует предостережениями о силе произнесенного слова. «Жизнь и смерть во власти языка», – гласит Книга Притчей. «Язык – огонь, прибежище неправды, –

¹ Орфография и пунктуация цитат из старых работ в целом были модернизированы. Если не указано иное, все переводы на английский язык сделаны мной, а выделенные цитаты взяты из первоисточника. В целях экономии места я отказался от отдельной библиографии. Библейские цитаты взяты из перевода короля Иакова 1611 г. Ссылки на законодательство штатов США, если не указано иное, взяты из оригинальных текстов, собранных в онлайн-базе данных Hein «Иллюстрированные конституции штатов» (State Constitutions Illustrated); ссылки на «Письма Катона» относятся к дате и тексту их первоначальной газетной публикации. – *Здесь и далее прим. авт. кроме особо оговоренных случаев.*

предупреждал апостол Иаков. – Никто не может укротить язык; это неудержимое зло, исполненное смертельного яда». В других фрагментах Писания слово сравнивается с бичом, жезлом, бритвой, мечом, луком, стрелой, глубокой ямой, пылающим огнем и в целом представляется опасным и смертоносным оружием.

Как следствие, общественный контроль и наказание за неподобающие высказывания были центральным элементом любого христианского общества в Древнем мире. Произнесенные слова могли расцениваться как преступления против личности, всего сообщества, государства и самого Господа. К Средневековью это стало общепринятой нормой. Английский закон 1275 г. объявлял преступлением распространение ложных известий или историй, способных посеять раздор между королем и подданными. Такое деяние каралось тюремным заключением или еще более суровым наказанием. В 1378 г. так называемый Глостерский статут запрещал клевету, «ложные вести» и «ужасную ложь» в адрес любого знатного или высокопоставленного лица королевства. Простые люди тоже часто искали в суде защиты от злословия. Иски о клевете, оскорблении и распространении ложных слухов были обычным делом в судах позднего Средневековья. Словесное оскорбление каралось так же строго, как и физическое насилие. В средневековой Исландии, где поэзия считалась особенно действенной формой языка, специальные законы ограничивали не только язвительные стихи, но и

непрощенное восхваление – если мужчина сочинял любовное стихотворение женщине без ее согласия, она могла призвать его к ответу. Наиболее серьезным проступком во всех сообществах считалась хула против Бога: ересь и богохульство, два тягчайших оскорбления божественной власти, были, по сути, речевыми преступлениями.

В XVI и XVII вв. контроль за высказываниями ужесточился еще больше. Раскол христианства на множество противоборствующих церквей в период Реформации и Контрреформации превратил выявление и пресечение инакомыслия в навязчивую идею. В результате и католики, и протестанты разных мастей поставили во главу угла контроль и исправление мыслей и высказываний своих прихожан. Если кто-то, подвыпив в таверне, подобно Александру Чемпиону из Уилтшира в 1612 г., размышлял вслух о том, что рай и ад подобны столу и скамье и их друг от друга отделяет лишь шаг, то мог легко угодить под суд за богохульство. А серьезное инакомыслие каралось смертью: именно такая участь постигла тысячи европейцев, отправленных на костер в XVI и начале XVII в.

Светские власти также активнее вторгались в сферу личных убеждений подданных. По мере того как монархи укрепляли свою власть в военной, налоговой и религиозной сферах, они все более жестко контролировали мнения подданных и даже изобрели удобно расплывчатое новое преступление – «подстрекательство» (под которым, по сути, понима-

лись нелояльные высказывания). Поскольку словесное недовольство могло легко заразить других, его следовало искоренять. В «Утопии» Томаса Мора (1516) обсуждение государственных дел вне собрания считается тяжким преступлением. В разгар политических и религиозных преобразований Генриха VIII более сотни англичан были казнены всего за шесть лет за якобы изменнические или подстрекательские речи. Сам Мор попал на эшафот в 1535 г. по схожему обвинению – за отказ принести новую присягу на верность.

Этот период отличался исключительной жестокостью. Однако базовый принцип был одним во всех европейских странах в XVI–XVII вв.: нелояльные высказывания неизменно влекли за собой кару. Собственно, о народных политических воззрениях той эпохи нам известно главным образом потому, что тысячи людей страдали из-за своих высказываний. Неосторожные публичные рассуждения о личности или политике монарха могли закончиться арестом, позорным столбом, тюремным заключением, разорительным штрафом или чем-нибудь похуже – шотландский закон 1585 г. объявлял устное либо письменное «поношение или клевету» в адрес монарха или законов тяжким преступлением. В 1579 г., когда пуританин (то есть ревностный протестант) юрист Джон Стаббс осмелился опубликовать памфлет с критикой брачных переговоров королевы Елизаветы с французским принцем, ему, печатнику и издателю отрубили правую руку на площади в Вестминстере. В последующие десятилетия за-

коны расширили и установили наказание за неподобающую критику не только монарха и правительства, но и членов магистратов и иных официальных лиц.

Помимо отступлений от религиозных норм и политической критики, опасность представляли и многие другие виды высказываний. С незапамятных времен люди страшились заклинаний и проклятий. Они часто служили предлогом для преследований за колдовство в XVII в. В Шотландии законы 1551, 1561, 1567, 1609, 1645 и 1649 гг. предусматривали наказание за проклятия и сквернословие – от штрафов и публичного позора до смертной казни. Схожие законы действовали в Англии и ее колониях на протяжении всего XVII в., в том числе в Ирландии, где практика проклятия настолько укоренилась (даже среди католического духовенства), что оставалась неотъемлемой частью жизни вплоть до XX в. Местные общины регулярно карали женщин и мужчин за несдержанные речи как сквернословов и смутьянов: к 1600 г. в каждом городе и деревне Англии должны были установить для этого «позорную скамью». В Шотландии в ходу была железная маска с кляпом, которую надевали на голову провинившегося. Нельзя было допускать, чтобы сквернословие нарушало спокойствие общества.

Не терпели его и в межличностных отношениях. С конца XVI в. иски о клевете и оскорблении буквально захлестнули суды. Все сходились во мнении, что оскорбительные или непочтительные высказывания могли серьезно подорвать по-

ложение человека в обществе и нарушали общественный порядок. Когда в январе 1640 г. портной из Солсбери в споре с одним из своих клиентов по поводу давно просроченного счета осмелился заявить, что «он такой же достойный человек», его быстро привлекли к суду и приговорили к штрафу. Защищать от поношения полагалось не только честь и достоинство монархов и правителей, но и репутацию уважаемых граждан – ежегодно тысячи мужчин и женщин обращались в суд именно с такой целью.

Разумеется, на практике контроль за высказываниями в те времена, как и надзор за другими формами поведения, оставался неполным. Возможности наблюдения и принуждения у тогдашних общин и государств были не безграничными. В повседневной жизни многие громогласные, непристойные, вольнодумные, еретические и другие опасные высказывания оставались безнаказанными или незамеченными. Границы закона были довольно зыбкими и изменчивыми и нередко оспаривались. А сам закон неизбежно касался одних людей в большей мере, чем других: высказывания торговков и слуг ограничивались более явно, нежели речи аристократов. Как бы то ни было, в этом мире люди совершенно иначе воспринимали слова, поступки и свободу. Вместо того чтобы ценить свободу выражения мнений, они стремились ее ограничить.

СЛОВА КАК ОРУЖИЕ

В основе такого мировоззрения лежало древнее понимание силы слова и опасности несдержанных речей. Как гласит Ветхий Завет, «удар бича оставляет рубцы на теле, а удар языка сокрушает кости». До XVIII в.² считалось общепризнанным, что злословие способно причинить больший вред, чем физическое действие. По словам Роберта Бертона в «Анатомии меланхолии» (1621), «злая шутка, клевета, навет заставляют страдать больше любой утраты, опасности, телесной боли или увечья». «*Насмешка* нередко ранит сильнее *меча*», – соглашался поэт и проповедник Джон Донн.

В культурах, где личная репутация значила все, словесное и физическое насилие часто отождествлялось или рассматривалось как единое целое. Как разъяснял правовой трактат начала XVII в., помимо защиты собственности, закон преследует две цели: он защищает человека от телесных повреждений, а «его доброе имя – от позора и бесчестия». Иными словами, клевета приравнивалась к нападению. Томас Гоббс также считал, что в человеческом обществе никому не должно позволяться «выказывать ненависть или презрение к другому... ни поступком, ни словом, ни выражением лица, ни жестом». На основании этого некоторые ранние своды законов разрешали человеку убить обидчика в ответ не только на

² О том, что изменилось впоследствии, говорится в главе 10.

физическое нападение, но и на тяжкое оскорбление. Например, по закону средневековой Исландии, «если мужчина назовет другого женоподобным или обвинит его в содомии... [то у оскорбленного] есть право убить». В последующие века та же связь между словесной и физической агрессией просматривалась в правилах дуэли. Ритуализированный обмен устными, письменными и печатными посланиями занимал центральное место в представлениях, как наносится урон чести и как ее защищают. Столь же важным считалось положение о том, что репутация человека столь же ценна, как и его жизнь. Иными словами, признавалось тесное переплетение риторического и физического поединка.

Считалось само собой разумеющимся, что беспорядочный словесный обмен между отдельными людьми нарушает покой всего сообщества: это была не частная, а общественная проблема. Многие законы закрепляли этот принцип. Активно применявшийся английский закон 1551 г. карал за ссоры в церкви и на церковном дворе. Иски о клевете порой подавались государственными обвинителями от имени общины, а не от пострадавшей стороны. В 1650-х гг. пуританское правительство Оливера Кромвеля пошло настолько далеко, что запретило не только явные оскорбления и брань, но и «провокационные слова и жесты» – преследованию подлежало любое высказывание, вызывающее обиду. Как понятно из документов, исполнители этих законов видели прямую связь между раздорами соседей и подстрекательскими реча-

ми против самого государства. Европейские колонии за океаном устанавливали такие же правила – например, законы Пенсильвании в 1682 г. не только запрещали «такие прегрешения, как проклятия, ложь, богохульство и непристойные слова», но и предписывали, что «все злонамеренные сплетники, клеветники, хулители и распространители ложных вестей, будь они против должностных лиц или частных особ, обязаны... строго наказываться как враги мира и согласия в этой провинции», а вместе с ними и всякий, кто «станет оскорблять или высмеивать другого за его особые убеждения и обычаи в делах веры».

Принципы, лежащие в основе такого мировоззрения, подробно излагались многими известными моралистами XVI и XVII вв. Первым основополагающим фактом, на котором они делали акцент, было то, что речь представляет собой физическое действие, а из всех частей человеческого тела язык труднее всего поддается обузданию. По утверждению пуританина Эдварда Рейнера, язык «более подвержен ошибкам, промахам и прегрешениям, чем рука или любая другая часть тела» и требует постоянного надзора и сдерживания. Как и многие другие, он отмечал, что Господь создал губы и зубы как физическую преграду, «дабы удерживать язык во рту, словно в монастыре... учить его скромности, усмирять и сделать медленным». Однако «подобно дикому своенравному коню», «нечистым птицам в клетке» или «колеснице дьявола», язык часто вырывается на волю и сеет хаос.

Обуздание собственного языка представлялось трудной, пожизненной борьбой. В идеале речь всегда должна была оставаться скромной, почтительной, правдивой и скупой – умение хранить молчание считалось краеугольным камнем всех правил достойного поведения. Однако в действительности искушения со стороны дьявола и врожденная испорченность человеческой природы приводили к тому, что языки постоянно выходили из-под контроля. В результате непристойные слова раздавались повсюду: брань, богохульство, проклятия, поношения, злословие, клевета, укоры, споры, насмешки, издевки, лесть, ложь, пустая и праздная болтовня переполняли все места.

Это была серьезная проблема, поскольку люди в те времена твердо верили, что злословие наносит реальный вред. Оно вредит не только отдельным личностям, но и отравляет все общество. Непристойные слова походили на заразу: они оскверняли и говорящего, и слушателей. Они также могли пробуждать сверхъестественные силы. Заклинания обращались к дьяволу, молитвы – к Господу, а богохульство наносило Ему оскорбление. История изобиловала рассказами о мужчинах, женщинах и детях, понесших божественную кару за «греховные языки», – они задыхались от распухшего злокозненного органа или откусывали его, а порой заболевали проказой, проваливались под землю, сгорали или становились добычей медведей.

Явный акцент на телесности объясняет, почему наказание

часто обращали на порочные части тела, которые позволили злословию вырваться на свет. Так, Стаббса и его сообщников лишили рук, написавших и публиковавших нелояльные высказывания, за нежелание услышать истину отрезали уши или прибивали их к столбу, за непристойные речи «выжигали клеймо на лице, затыкали кляпом рот... прожигали язык и даже отрезали его», как предлагал английский судья в 1577 г.

В наши дни мало кто верит во врожденную порочность человеческой природы или в возможность вызвать дьявола с помощью заклинаний. Нанесение физических увечий представляется нам жестоким и отвратительным наказанием. Однако, как и наши предки, мы признаём могущество слова. Речь – это действие, и слова неизбежно имеют последствия. Их разрушительная сила порой превосходит физическое воздействие. Каждый, кто растил подростка, пережил мучительный разрыв отношений или был жертвой нападок; известно, что слова оставляют глубокие и долго заживающие раны. Причем страдают не только отдельные люди, но и общество в целом. Все культуры прошлого и большинство современных признают: многократное повторение вредоносных слов и лжи отравляет диалог, увековечивает дискриминацию по половому и расовому признаку, разжигает религиозные преследования, сеет социальный и политический раскол и прокладывает дорогу насилию. Иными словами, современное разделение слов и действий, представление об их

разной силе – не более чем удобный миф. Как будет показано в этой книге, подобное разграничение делает возможной идеологию свободы слова, но остается внутренне неустойчивой фикцией. Чтобы понять историю свободы слова, важно с самого начала четко осознать эту проблемную особенность.

ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ

Еще одна фундаментальная особенность современных представлений о свободе слова заключается в том, что голос каждого заслуживает равного внимания. В политическом и социальном мире прошлого господствовало противоположное мнение. Считалось естественным, что человеческие общества имеют иерархическую структуру, а речи вышестоящих более авторитетны, чем слова их подчиненных. Древние индуистские своды законов и этических норм не только прививали всем важность словесной дисциплины и учтивости, но и четко разграничивали права различных каст на свободу высказываний. Слово брахмана, представителя высшей касты, было более весомым, чем слово человека низкого ранга, которому запрещалось говорить брахману «что-либо неприятное или резко высказываться в его адрес». Человеку из низшей касты, презрительно отзывавшемуся о высших кастах, полагалось «вогнуть в рот раскаленный железный гвоздь длиной 10 пальцев». За «крайне оскорбительные слова... ему отрезали язык». Если же такой человек осмеливался спорить с высшими кастами о законе или этике, то «правитель должен был влить ему в рот и уши горячее масло».

Схожий подход прослеживается в самых старых из сохранившихся английских законов о словесности. В 695 г. англо-

саксонский король Кента Вихтред, составляя свод законов, провозгласил собственное слово неоспоримым – его следовало принимать без каких-либо клятв или формальностей. То же касалось и слова епископа. Далее следовала строгая иерархия: чем ниже ваш статус, тем больше усилий требовалось для доказательства своей правоты. Женщины, дети и рабы вообще не имели права голоса. Великая хартия вольностей 1215 г. также устанавливала, что свидетельство женщины неприемлемо в суде при рассмотрении дел об убийстве, за исключением гибели собственного мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.